

му слѣдующаго тома. Автору предстоитъ еще великая задача достойнаго завершения своего труда. Кого Христосъ позоветъ, тотъ долженъ держатъ и идти до конца. Пожелаемъ ему превзойти все, имъ доселѣ достигнутое, и это не легко сдѣлать.

Б. Владиславцевъ.

Прот. С. Булгаковъ. Агнецъ Божій. О Богочеловѣчествѣ. Ч. I. Стр. 468. Парижъ. YMCA-Press, 1933.

Новую книгу прот. С. Булгакова надо признать не только самымъ зрѣлымъ, но и самымъ выдающимся изъ всего того, что онъ писалъ въ послѣдніе годы. Основные идеи софіологіи получаютъ въ новой книгѣ такое законченное и ясное выраженіе, какого они не имѣли до сихъ поръ: софіологія выступаетъ здѣсь, какъ система. Отсюда не только богословская, но и философская цѣнность книги. Главное, что слѣдуетъ отмѣтить въ послѣднемъ отношеніи, есть опытъ построения метафизики въ свѣтѣ софіологіи. Для автора философская сторона имѣетъ побочное и вторичное значеніе, — вся діалектика идей опредѣляется въ книгѣ ея богословской темой, во это нисколько не ослабляетъ философской цѣнности развитыхъ въ книгѣ построений.

Софіологія, поскольку въ ней идетъ дѣло о мірѣ, есть, конечно, платонизмъ: основной мотивъ софіологіи заключается въ признаніи идеальной основы міра. Но отъ классическаго платонизма софіологія, какъ она развивается въ философіи Як. Беме и Шеллинга, а затѣмъ особенно въ русской философіи (Влад. Соловьевъ, о. П. Флоренскій, Н. О. Лосскій, С. Л. Франкъ, о. С. Булгаковъ), отличается признаніемъ конкретнаго всеединства въ этой идеальной основѣ міра. Міръ, взятый въ своей глубинѣ, въ своей творческой основѣ, есть «Софія» — конкретная, живая сущность (для иныхъ даже «Существо»), положительное всеединство бытія, идеальное по своей независимости отъ пространства и времени, творческое по своей опредѣляющей жизни міра силѣ. Отъ обычнаго натурализма, усваивающаго «природѣ» свойства вѣчности, неисчерпаемости, законмѣрности, отъ этого смѣшенія эмпирическихъ опредѣлений бытія съ чисто метафизическими его свойствами софіологія чрезвычайно выгодно отличается яснымъ различіемъ (но не раздвиганіемъ) эмпирической и метафизической стороны въ мірѣ. За вѣнней оболочкой раздѣльныхъ явленій, за пѣмъ ихъ разнообразіемъ и множественностью живетъ и творчески дѣйствуетъ идеальная основа міра — его «субстанція», его «душа» — единая и цѣлостная. Софіологическая гипотеза важна не только для натурфилософіи и эстетики, она еще болѣе важна для гносеологіи, поскольку въ новѣйшей софіологіи тварная Софія есть прежде всего челоѣчество въ его единствѣ.

О. С. Булгаковъ, строя свою богословскую систему, въ обсужденіе которой я здѣсь не вхожу, развиваетъ чрезвычайно интересную систему софіологической метафизики въ духѣ монизма. Тварная Софія, какъ идеальная основа міра, для него не отлична отъ Софіи Божественной. При такомъ построеніи, чрезвычайно выгодномъ бого-

словски, создаются однако почти непреодолимые философскія трудности (отзывающіяся во второмъ порядкѣ и на богословіи). Если единство міра (въ его сущности) и Абсолюта устраняетъ различія богословскія трудности, то философски въ этомъ неестественномъ уравненіи одинъ изъ его членовъ неизбежно растворяется въ другомъ. Или міръ природы тонетъ для насъ въ Абсолютѣ, оказываясь тѣмъ самымъ призрачнымъ въ своемъ эмпирическомъ бытіи, — или наоборотъ Абсолютъ растворяется въ мірѣ. Какъ можетъ быть равно столь различное? Правда, въ тончайшемъ узорѣ глубокихъ идей читатель все время ощущаетъ у о. С. Булгакова таинственную несводимость послѣднихъ опредѣлений бытія. Антиномизмъ этихъ послѣднихъ понятій является у о. С. Булгакова той схемой, при помощи которой онъ удерживаетъ въ своихъ построеніяхъ всю реальную проблематику бытія. Все это такъ, — въ этомъ направленіи философское мастерство о. С. Булгакова достигаетъ порой поразительной силы. Но антиномизмъ часто является здѣсь слишкомъ удобнымъ, чтобы быть истиннымъ. Въ частности гораздо правильнѣе утверждать реальную и всецѣлую отличность тварнаго бытія отъ Абсолюта и стоять затѣмъ передъ трудной проблемой ихъ связи, чѣмъ наоборотъ признавать существенное единство тварнаго бытія и Абсолюта и затѣмъ стоять передъ трудностью (невозможностью!) обосновать достаточную самобытность міра. Метафизика вообще должна всегда держаться индуктивной основы, отъ которой не должна она отрываться, существенное же различіе бытія во времени и бытія въ вѣчности (лежащее въ основѣ платонизма) дано намъ въ опытѣ съ такой непрекращаемой, потрясающей силой, что его надо дѣлать исходнымъ. Иначе говоря, софіологическая метафизика непременно должна быть дуалистичной, — и каковы бы ни были дальнѣйшія трудности, вытекающія изъ необходимости осмыслить связь Абсолюта и міра, они не могутъ ослабить основополагающаго значенія исходнаго дуализма. Грандіозная попытка построить систему софіологическаго монизма чрезвычайно интересна — тѣмъ, что вскрываетъ всю проблематику связи Абсолюта и міра, но и только.

Въ краткой рецензіи невозможно обосновать это основное критическое замѣчаніе къ книгѣ о. С. Булгакова, — мы можемъ его лишь намѣтить. Тѣмъ съ большей силой хочу я подчеркнуть высокую философскую цѣнность всей книги, и особенно главъ первой и второй. Хотя книга, въ силу своей сгущенности, читается нелегко, но читатель, давшій себѣ трудъ внимательно вчитаться въ нее, найдетъ въ ней цѣлый міръ идей, образовъ, подчасъ поразительные анализы и интуиціи. Въ книгѣ не разъ чувствуются противорѣчія, напряженно движущія читателя къ послѣднимъ антиноміямъ мысли; но эти противорѣчія или несогласованности лишь рѣзче подчеркиваютъ основную проблематику бытія. Богословъ найдетъ безконечно много точекъ для согласія или спора съ авторомъ, — но не менѣе богата и возбуждательна книга и для философа. Яркость и сила, изящество и мѣткость рѣчи отличаютъ всю книгу, но не въ этомъ ея пафосъ, ея

цѣнность и значеніе: она ведетъ читателя на горныя вершины, откуда открывается видъ на самыя глубокія, самыя существенныя проблемы бытія.

В. В. Зѣньковскій.

D. R. Buxton, Russian Mediaeval Architecture. University Press, Cambridge, 1934.

M. Alpatov - N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Filser, Augsburg. 1932.

Трудъ Д. Р. Бакстона — первая книга на англійскомъ языкѣ, посвященная древнерусской архитектурѣ; этого достаточно, чтобы ее привѣтствовать. Безъ сомнѣнія, также заслуживаетъ всяческой похвалы тщательное и любовное отношеніе автора къ своей задачѣ: дать сводку важнѣйшихъ свѣдѣній о допетровской русской архитектурѣ, а также о средневѣковомъ зодчествѣ Арменіи и Греціи. Правда, впрочемъ, и то, что одно уже совмѣщеніе двухъ этихъ темъ въ одной книгѣ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой случайности ея возникновения. Авторъ, насколько можно судить по его работѣ, — не историкъ искусства, да онъ и не задавался цѣлью написать ученое изслѣдованіе. Его представляешь себѣ скорѣй, какъ просвѣщеннаго любителя, заинтересовавшагося мало извѣстнымъ, экзотическимъ сюжетомъ и почувствовавшаго искренно рѣдкостную прелесть нѣкоторыхъ памятниковъ русской старины. Зная русскій языкъ, онъ внимательно ознакомился съ важнѣйшей литературой предмета и во всѣхъ существенныхъ вопросахъ слѣдуетъ взглядамъ, изложеннымъ въ первыхъ двухъ томахъ Грабаря. Отдѣльныя замѣчанія свидѣтельствуютъ, однако, о впечатлѣніяхъ непосредственныхъ и личныхъ, и тутъ мы подходимъ къ самому лучшему, къ самому важному, что есть въ книгѣ (по крайней мѣрѣ для русскаго читателя): къ ея иллюстраціямъ. Дѣло въ томъ, что авторъ совершилъ по Россіи два большихъ путешествія (въ 1928 и въ 1932 году) и вывезъ оттуда 192 имъ самимъ снятыхъ фотографій, большей частью превосходныхъ и прекрасно дополняющихъ имѣющіеся въ различныхъ изданіяхъ снимки древнерусской архитектуры. Путешествія, какъ видно изъ предисловія, были не изъ легкихъ; при вывозѣ фотографій тоже чинились немалыя препятствія. Кое-что при этомъ погибло; жаль также, что авторъ снималъ обыкновенно лишь то, что уже бывало снято (хотя нерѣдко и хуже, чѣмъ у него); досадно, что не побывалъ онъ въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ; однако и такъ книга его иллюстрирована великолѣпно, начиная съ таблицы противъ титульнаго листа, дающей восхитительный новый снимокъ знаменитой церкви Покрова на Нерчи — изъ-за рѣки, среди древесныхъ купъ, надъ поросшимъ травою берегомъ.

Совсѣмъ иной характеръ присуць книгѣ Алпатова и Брунова. Оба эти автора, особенно второй, принадлежатъ къ числу наиболѣе одаренныхъ русскихъ историковъ искусства младшаго поколѣнія и